

Чу Ин, о которой говорил Чжоу Лань, училась в соседнем 19-м классе. Её мать занимала руководящую должность в одном из престижных отелей. И Фэй нашёл девушку в салоне маникюра в восточном районе города. Когда он предъявил удостоверение, Чу Ин даже улыбнулась и кокетливо продемонстрировала свежеделанные ногти.

— Сян Хао мин? А кто это? Не знаю такого, — сказала она, поправляя ухоженные локоны. — Он тоже учится в Первой школе?

— Хватит притворяться. Твои дружки — Чжоу Лань и У Линьсяо — уже признались в том, что вы сделали с Сян Хао мином в новогоднюю ночь, — голос И Фэя был напряжённым. Он обычно вежлив с женщинами, но в этот раз не мог скрыть раздражения. — Как ты думаешь, почему я сейчас здесь?

Аккуратно накрашенное лицо Чу Ин на мгновение исказилось, а длинные белые пальцы нервно сплелись. Однако в сравнении со многими взрослыми подозреваемыми, она встретила разоблачение довольно спокойно.

Такая же «спокойная» реакция была и у Чжоу Ланя с У Линьсяо.

И Фэй не знал, как их описать — «рождённые с пороком» или просто «ещё не повзрослевшие». Он лишь чувствовал, как холод медленно подбирается к сердцу.

Эти трое жестоко убили своего одноклассника — так, как не под силу представить ни одному нормальному человеку. Они пытались замести следы, но, поняв, что избежать наказания не удастся, отнеслись к происходящему с пугающим равнодушием.

Они знали, что понесут наказание. Но в их глазах не было ни раскаяния, ни страха. Законом они тоже явно не дорожили.

Для них одна живая душа — всего лишь игрушка, забава.

Если инструмент ломался — можно было взять другой.

Если бы полиция не успела их поймать, они бы продолжили.

Убийство затягивает. Особенно — для несовершеннолетних с расстройством личности.

Вэнь Чаолун, возможно, был бы их следующей жертвой.

— Эти два идиота, — Чу Ин равнодушно усмехнулась. — Даже до второго раунда игры не дотянули — сразу всё сболтнули.

— Зачем вы это сделали? — И Фэй изо всех сил сдерживал злость. — Ты ведь даже не разговаривала с Сян Хаомином!

— А кто его просил попасться? — Чу Ин беспечно вздохнула. — Он сам в это влез. А я что? Я просто пошла за Чжоу Ланем и У Линьсяо. Что они говорят — то и делаю. Спрашивай у них.

И Фэй с грохотом ударил правой ладонью по столу:

— Это был живой человек!

Чу Ин недовольно надула губы, в её глазах сверкнула почти детская обида. Внешне она казалась милой и безобидной — настолько, что могла вызвать жалость. Но каждый, кто смотрел на неё, чувствовал холод, проникающий под кожу.

— Всё зависит от точки зрения, — с улыбкой сказала Чу Ин. — Для тех, кто его знал, он, конечно, был живым. А для меня — кто он такой вообще? Дяденька-полицейский, мне так скучно жить... Если бы не такие развлечения, я, наверное, давно бы себя убила. А ты бы видел его лицо, когда его заталкивали в ту яму! Ах, как жаль, что вы не видели. Теперь я знаю, как выглядит человек в момент настоящей боли, хи-хи-хи-хи! Арестовывайте, если хотите. В школе всё одно серое и унылое, сплошные обычные люди. А вот в тюрьме, наверное, будет повеселее — столько всяких интересных преступников...

Чжоу Лань тем временем запрокинул голову, щурясь на ослепительно яркую лампу под потолком. Его зрачки в этот момент напоминали чистейшие стеклянные шарики, без единой примеси.

Он долго не шевелился, а когда вновь посмотрел на Минг Шу, в его глазах блеснули слёзы.

Но это были не слёзы раскаяния, не угрызения совести. Они были ещё более лживыми, чем «крокодиловы слёзы».

— В полночь мы запустили несколько связок петард, — продолжил Чжоу Лань. — К тому времени Сян Хаомин уже был пьян. Как только напился, начал рассказывать о своей семье. Смешно, такие вещи я бы даже придумать не смог... Ты знал, что у них дома ругались из-за носков? У его отца порвались носки, он купил новые — три пары за десять юаней. А его мать закатила истерику, крича: «Я бы за те же деньги купила тебе четыре пары! Почему ты опять транжиришь деньги?!»

Свет в глазах Минг Шу становился всё холоднее, а между бровей пролегла глубокая морщина.

— Тебе не кажется это интересным? — Чжоу Лань как будто с наслаждением вспоминал. — Слушать, как он рассказывает всё это... Я даже на мгновение задумался: может, оставить его? Пусть рассказывает нам дальше. Но У Линьсяо был против. Ему истории не интересны, он

хотел сразу «перейти к делу».

— После того как вы напоили Сян Хаоминя, вы сняли с него одежду? — спросил Минг Шу.

Чжоу Лань, будто вспоминая происходящее, щёлкнул языком и с наигранным раздражением сказал:

— Ужасно с пьяными возиться. Ни сил, ни толку, только и делает, что пытается сопротивляться.

— Вы с У Линьсяо вместе затащили его в ту яму?

— А кто бы ещё? — пожал плечами Чжоу Лань. — Неужели ты думаешь, мы дали бы это делать девчонке?

Минг Шу чувствовал, как в висках бешено пульсирует кровь. Этот с виду вежливый, приличный подросток сейчас напрочь разрушал все представления о зле, какие у него были.

— У Линьсяо сказал, что у него приятный голос, — усмехнулся Чжоу Лань. — Жаль только, петарды гремели слишком сильно, я почти ничего не расслышал. А потом... потом он уже не двигался. Когда У Линьсяо поджёг первую связку, он уже почти умер. Кстати, ты когда-нибудь видел, как оглушают угря? Вот и он тогда выглядел как оглушённый угорь: дёргается на разделочной доске, а потом — умирает.

Минг Шу сделал глубокий вдох, но даже он не смог погасить бушующий в груди огонь.

Снаружи, у мониторов, один из оперативников с яростью опрокинул стул.

Взрослое зло часто оставляет следы, но зло в детях — пугающе «чистое», пронзительное, почти без примесей.

— Когда всё было кончено, мы засыпали его яму остатками от петард, — продолжал Чжоу Лань. — Эти петарды, между прочим, купила его мама, которую он так ненавидел. Представляешь, она своими руками купила то, что потом стало его могилой. Как тебе такая ирония?

— А потом ты вернулся в мастерскую? — голос Минг Шу стал опасно тихим.

— Ага. — Чжоу Лань даже гордо кивнул. — Те два придурка тогда всё ещё были в отключке.

Какое-то чувство отчаянного бесправия, бессилия, затопило Минг Шу с головой. Он задал

последний вопрос:

— А если бы в ту ночь Сян Хаомин остался дома и не вышел... вы бы его не тронули? Вы ведь не могли позвонить ему или написать, иначе это бы вас выдало?

— Мы всё предусмотрели, — усмехнулся Чжоу Лань. — Выйдет он или нет — не важно. Дом у него в глуши, а около одиннадцати вечера все соседи были на площади, на новогоднем собрании. Ты ведь знаешь, его мама всё и организовывала. Мы бы просто кинули камешек в окно. Он бы обязательно выглянул, увидел бы, что пришли одноклассники. В праздник — ну как не выйти? А как выйдет, дальше всё просто. Там ведь камер нет. Мы с У Линьсяо заранее всё проверили, ещё в начале каникул.

Допрос закончился лишь к утру.

Вернувшись в кабинет уголовного отдела, Минг Шу не произнёс ни слова. Он просто лёг на поставленные в ряд стулья и уснул, не снимая куртки.

Сяо Юань остановился у стула, немного посмотрел на Минг Шу, затем укрыл его его же курткой, а сверху аккуратно набросил ещё и своё пальто.

Если сравнивать это дело с другими, что расследовала группа по особо тяжким преступлениям, то оно оказалось на удивление простым. Убийцы — несовершеннолетние, хоть и пытались запутать следствие, но допустили ошибки ещё на этапе подготовки. Сейчас у полиции были и вещественные доказательства, и показания, и свидетели — оставалось только завершить формальности, и дело можно было закрывать.

Однако гнетущее чувство никак не уходило из сердец всех сотрудников.

Потерпевший — несовершеннолетний, с матерью, которой на него в сущности было наплевать. У него были психологические проблемы, он ненавидел собственное происхождение, но не сдавался, изо всех сил старался пробиться наверх, мечтая когда-нибудь стать таким же, как его одноклассники, родившиеся в достатке.

Нападавшие — тоже несовершеннолетние, но их жизнь вызывала зависть. Богатство дало им широкие горизонты, всё было доступно. Привычные радости им наскучили, и они начали искать нечто иное — жестокое, кровавое... возбуждение.

Минг Шу на самом деле так и не заснул. В голове снова и снова всплывали лица, связанные с этим делом: Чжоу Лань, У Линьсяо, Чу Ин. Постепенно эти образы начали накладываться друг на друга и, к его ужасу, в конце концов слились в лицо Хэ Яна.

Психология этих троих удивительно напоминала психологию Хэ Яна.

Они своими руками убили одноклассника. А Хэ Ян заставил двух отчаявшихся людей убивать друг друга. Сложно сказать, кто из них более жестокий, кто — более злобный.

Но методы Хэ Яна, несомненно, были изощрённее. До сих пор он не дал полиции ни единой зацепки.

Пролежав долгое время без движения, Минг Шу всё же сел, сжав в руках обе куртки.

Фан Юаньхан, обычно живой и разговорчивый, на этот раз был на редкость серьёзен. Он поставил на стол подогретый завтрак:

— Шэф, я для тебя оставил.

Минг Шу некоторое время молча смотрел на пальто Сяо Юаня, потом спросил:

— Ты не знаешь, где заместитель Сяо?

— Заместитель Сяо сам допрашивает У Линьсяо, — Фан Юаньхан выглянул в коридор. — Не знаю, закончил или ещё нет.

Минг Шу закрыл глаза и попытался мысленно восстановить ход событий. Он вдруг понял, что упустил важную деталь: как эти трое вообще сошлись вместе?

На первый взгляд, это вроде бы не имело отношения к сути дела. Но чем больше он думал об этом, тем сильнее этот вопрос его цеплял.

Чжоу Лань дружил с Юань Ай и Чжао Му, и сам Юань Ай говорил, что у него с У Линьсяо особых отношений не было. А Чу Ин вообще не из 17 класса.

В глазах одноклассников характеры у этих троих совершенно разные. Что же тогда стало поводом, чтобы они объединились и начали планировать убийство?

Минг Шу быстро доел завтрак и поспешил в сторону допросной. Все комнаты оказались пустыми. Один из протоколистов сказал, что заместитель Сяо только что закончил допрос и, вероятно, уже вернулся в кабинет на верхнем этаже.

— Ты не хочешь ещё немного поспать? — Сяо Юань как раз только развёл себе чашку кофе, но так и не притронулся к ней.

Этот кофе Минг Шу не так давно купил во время одной из трансляций, и Фан Юаньхан уже успел его раскритиковать.

Если уж даже Фан Юаньхан признал этот кофе невкусным, а Сяо Юань теперь его пьёт, значит, дело точно не во вкусе. Просто нужно было как-то взбодриться.

Минг Шу повесил пальто на спинку стула:

— Как Чжоу Лань вообще подружился с У Линьсяо и Чу Ин?

— В начале первого курса, во время выездного тренинга, — ответил Сяо Юань.

В некоторых престижных школах города Донгье после зачисления учеников устраивали тренинговые сборы — вывозили первокурсников за город, в горы или на природу, подальше от цивилизации, где проводили разные физические, командные и интеллектуальные испытания. Главная цель — помочь новичкам быстрее познакомиться друг с другом, развить чувство коллективизма, и, можно сказать, дать торжественный старт их трёхлетней школьной жизни.

Первая школа тогда выбрала базу на юге города. Тренинг проходил по классам, и все новички должны были провести там десять дней. Но большинство и учеников, и преподавателей воспринимали это мероприятие как формальность. По-настоящему по расписанию прошёл только первый день.

Потом все начали делать что хотели.

База находилась в горах, занимала огромную территорию, и в её глубинке почти не было людей.

Тогда Чжоу Лань ещё не сдружился с Юань Ай и Чжао Му. Гуляя один в ущелье, он наткнулся на У Линьсяо — тот стоял с окровавленными руками.

— Ты... — спросил Чжоу Лань. — Что ты делаешь?

— А что, не видно? — спокойно ответил У Линьсяо. — Кошку убиваю.

В руках у него была серая деревенская кошка — жирная и упитанная. Судя по всему, это было домашнее животное кого-то из сотрудников базы.

Но она уже была мертва. Из горла хлестала кровь, окрашивая пушистую шёрстку в липкий багровый цвет.

У Линьсяо убил её камнем — острым, величиной с ладонь. Он разбил ей голову, а потом поднял тело, ухватив за хвост, как поднимают грязный мешок с мусором.

В глазах Чжоу Ланя вспыхнул блеск — У Линьсяо сразу понял этот взгляд. Восторг. Восхищение.

Сяо Юань передвинул ползунок на видео.

Зловещие выражения лица У Линьсяо и его бесстрастный голос раздавались из планшета:

— Я с первого взгляда понял — он такой же, как я. Мы оба любим «острые ощущения»!

Чжоу Лань и У Линьсяо вместе провели пальцами по крови, вытекавшей из головы деревенской кошки, и в безлюдной лощине хохотали до одури.

— Она уже сдохла, — сказал У Линьсяо. — Закопаем её. А потом пойдём поймем ещё одну.

На базе действительно было немало кошек. Сотрудники с добрым сердцем приютили всех бродячих, что забредали сюда. Некоторые даже приносили потомство, и все жили на базе, как большая семья.

У Линьсяо рассказал Чжоу Ланю, что заранее всё разведал: по его подсчётам, на территории базы было как минимум пятьдесят таких кошек. Ловить по одной в день — никто и не заметит.

На четвёртой кошке появилась Чу Ин.

Девочка в милой короткой юбочке, сладким голосом она спросила:

— А можно я с вами?

Одна за другой кошки исчезали, сотрудники базы ходили вглубь гор на поиски, но возвращались ни с чем.

В день отъезда с базы У Линьсяо увидел, как несколько сотрудников вытирают глаза от слёз, не сумев найти своих питомцев, и испытал невыразимое удовлетворение.

— Конечно, мы не могли позволить другим понять, что мы друзья, — усмехнулся У Линьсяо. — Я молчаливый и нелюдимый, Чу Ин — милая и наивная, в её классе за ней пол-курса бегало. А Чжоу Лань — яркий, обаятельный, и этот глупый амбал Юань Ай сразу к нему привязался. Если бы мы трое начали тусоваться вместе, у всех сразу бы возник вопрос — как это вообще возможно?

Сяо Юань спросил:

— С первого курса и до сих пор... чем ещё вы занимались?

— Убийство — это впервые, — ответил У Линьсяо. — А всё остальное... много чего, ты ведь не захочешь это слушать.

Сяо Юань выключил видео и повернулся к Минг Шу.

Минг Шу какое-то время смотрел на пустую чашку, потом сказал:

— Пойду сполосну.

Холодная вода ударила по рукам, и нервы обожгло, как током.

Через несколько минут он вернулся, поставил чашку на стол, вытирая руки бумажной салфеткой.

— Всё не совсем так, как я думал.

— Ты предполагал, что их кто-то подтолкнул, — сказал Сяо Юань. — Что был человек, который собрал их вместе. Всё-таки они слишком разные, чтобы подружиться сами по себе.

Минг Шу вздохнул:

— А выходит, они и правда сами нашли друг друга.

В кабинете повисла тишина.

Минг Шу сел в кресло и, задумчиво глядя перед собой, сказал:

— Меня интересуют их родители.

— Ты думаешь, всё, что они делают сейчас, — результат влияния старшего поколения? — спросил Сяо Юань.

— Есть люди, чьё зло врождённое, — сказал Минг Шу. — А есть те, в ком оно формируется постепенно, под воздействием среды. Как ты думаешь, они из какой категории? Когда мы были внизу, я всё время вспоминал Хэ Яна. Лица Чжоу Ланя и его друзей в какой-то момент будто слились с его лицом. Брат, просто представь: если бы у Хэ Яна был ребёнок, унаследовал бы он его зло?

— Я немного проверил их родителей, — Сяо Юань достал из ящика пачку документов. — Отец Чжоу Ланя, Чжоу Е, директор частной клиники, авторитетен в сфере лечения заболеваний пищеварительной системы. Репутация отличная, пока ничего подозрительного. Мать Чжоу Ланя уехала за границу, когда он был совсем маленьким. Чжоу Е постоянно занят и редко бывает в Донгье — по сути, Чжоу Лань рос без отца и матери.

Минг Шу перелистывал бумаги:

— То есть влияние родителей на Чжоу Ланя было минимальным?

— Может, да, а может и нет, — продолжил Сяо Юань. — Чу Ин тоже выросла в неполной семье. Её мать — Ли Шань, почти каждый год получает звание «выдающаяся женщина-предприниматель». А сама Чу Ин жила с няней. У У Линьсяо, в отличие от них, родители не разведены, вместе ведут бизнес. Но в 17-м классе он не считается особенно богатым.

Минг Шу потер висок:

— У всех троих — совершенно разные условия воспитания.

— Само дело не слишком сложное по сути, — сказал Сяо Юань, — но в нём замешаны несовершеннолетние, школьный буллинг, жестокие методы и необъяснимые мотивы. Я направлю материалы в Специальную следственную группу. Эксперты из Министерства общественной безопасности проведут комплексную оценку. Как бы то ни было, это дело станет ориентиром для расследований будущих преступлений среди несовершеннолетних.

Вскоре в следственное управление прибыли: отец Чжоу Ланя — Чжоу Е, мать Чу Ин — Ли Шань, родители У Линьсяо, а также их классный руководитель и несколько учителей — все для сотрудничества со следствием.

Чжоу Е не мог поверить, что его сын на такое способен. Прочитав протокол допроса Чжоу Ланя, он впал в ступор и долго не мог произнести ни слова.

Перед полностью сломленной Чэнь Хунбин он опустился на колени и поклялся: всё будет по закону, он и Чжоу Лань понесут ответственность, и обязательно возместят ущерб семье Сян.

В отличие от Чжоу Е, Ли Шань и родители У Линьсяо отреагировали куда спокойнее. Они лишь повторяли, что не верят в виновность своих детей, но при этом доверяют полиции и суду.

Короткие новогодние каникулы закончились, но по традиции до пятнадцатого дня первого месяца праздник не считается окончанным.

По улицам и переулкам всё ещё витает праздничная атмосфера. В «Девятом поле боя» — популярном заведении, открывшемся перед Новым годом в восточном районе, — по-прежнему

полно народу.

В группе по тяжким преступлениям не прекращали следить за Хэ Яном, но он по-прежнему не оставлял ни малейшей зацепки.

Юг города, жилой комплекс «Весенний прилив реки».

После огласки в СМИ общественное недовольство только росло. Под давлением мнений управляющая компания была вынуждена снести ворота у входа на набережную — жители северного сектора снова получили доступ в южную часть.

Словно праздную победу, множество людей хлынуло на зелёную зону: кто-то танцевал, кто-то играл на барабанах, а некоторые даже фотографировались у частных садов вилл и особняков.

Всего за несколько дней между северными и южными жителями снова вспыхнул конфликт. Но теперь управляющая компания не посмела вмешиваться с такой же поспешностью, как раньше.

Из-за постоянного шума Лай Чэн перестал выходить днём, выгуливал собаку только глубокой ночью, когда всё утихало.

Он шёл в наушниках, напевая себе под нос, как вдруг остановился и потер нос.

У него всегда было острое обоняние — и в этот момент с холодным речным ветром ему в нос ударил странный, совершенно неуместный запах.

<http://bllate.org/book/14859/1322028>